

АКТЕР НИКОЛАЙ КАРАЧЕНЦОВ:

*Известия - 2004 - 26
окт. - с. 1, 15.*

«РЕБЯТА, УБЕРИТЕ ПАФОС»

→15

Завтра исполняется шестьдесят лет актеру Николаю Караченцову. Театральная слава Караченцова началась с культового спектакля «Тиль» Театра им. Ленинского комсомола в постановке Марка Захарова. А всемирное признание пришло к нему после выхода на экраны фильма «Старший сын» режиссера Виталия Мельникова. Накануне юбилея с Николаем КАРАЧЕНЦОВЫМ встретился корреспондент «Известий» Артур СОЛОМОНОВ.

известия: Правда, что вы не хотели быть актером, а мечтали стать артистом балета...

Николай Караченцов: Спал и видел! Считал, что лучше нет занятия, чем прыгать по сцене Большого театра (*смеется*). Но мама, которая была балетмейстером, кстати, меня и не пустила. Сказала, будь ты девушкой, отдала бы тебя в хореографическое училище, а так — нет. А если я не попаду на сцену Большого театра? А если не стану солистом? А если травма ноги? И в сорок лет актер балета — пенсионер... Я маме бесконечно благодарен в том числе и за то, что тогда она повлияла на мой выбор. Кто знает, как сложилась бы моя судьба...

известия: Вам известны какие-нибудь подробности о вашем прадедушке — Георгиевском кавалере?

Караченцов: Нет, о нем мне известно только то, что он был Георгиевским кавалером. А мой дедушка был известен тем, что в семьдесят с лишним лет поступил в институт. А поскольку по всем советским и человеческим законам можно поступать в институт не позже тридцати пяти лет, то деду пришлось писать письмо то ли Ворошилову, то ли Микояну. И ему разрешили. Первые три месяца

студенты над ним смеялись, а потом притихли. И он с отличием окончил институт. А было ему это нужно потому, что он был руководителем крупного предприятия, знавшим свое дело досконально. Но не имел этой корочки.

известия: Ваш учитель Виктор Карлович Монюков, был, наверное, одним из лучших театральных педагогов своего времени. Не могли бы вы рассказать о вашем поступлении к нему на курс, о том, как развивались ваши отношения, — ведь он со временем предложил вам быть педагогом в Школе-студии МХАТ.

Караченцов: Поступал я сложно — у меня был повторный третий тур, потом долго решали: взять меня вольнослушателем или сразу зачислить на курс. Сначала решили сделать вольнослушателем, но с первого сентября я был назначен в основной состав. Учиться я начал очень легко — у меня все получалось. А на втором курсе что-то застопорилось. И Виктор Карлович сказал: «Задумайся». И я задумался так, что со второго курса стал получать Качаловскую стипендию, а окончил институт с красным дипломом.

известия: В чем была проблема?

Караченцов: Что-то затормозилось, но конкретно рассказывать долго и это очень узкоспециальные проблемы. А Виктор Карлович прививал нам какие-то понятия, которые вроде бы не имели отношения к профессии. У нашего курса было много друзей, начиная с вдовы Булгакова, которая приходила к нам и рассказывала о Михаиле Афанасьевиче, и заканчивая летчиками-испытателями, врачами. У Виктора Карловича было еще и медицинское образование. Только потом я узнал, что

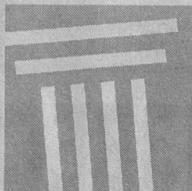
один глаз его не видел. Это было невероятно — он ведь был такой зоркий.

Помнится, однажды в Школе-студии МХАТ я увидел американскую делегацию, а среди них — актера, которого совсем недавно видел в картине «Великолепная семерка». Представляете, что тогда это значило? У меня аж челюсть на пупок упала. И тут я вижу, что у него она упала еще ниже, потому что он — в самой мхатовской школе!

Каждый студент должен был где-то раз в квартал дежурить по Школе-студии. На этот день студент освобождался от всех занятий, сидел на вахте, якобы руководил процессом. А на самом деле ничего не делал. Однажды сижу, так сказать, дежурю, и входит Монюков: «Как дежурство?». «Замечательно» — «Обедал?» — «Нет». Он исчезает, потом появляется и говорит: «Я договорился с педагогической частью — пойдем, я тебя покормлю»... И это — профессор, известнейший педагог. Мы могли даже у него дома репетировать.

известия: Есть в театральной библиотеке такая папка, где собраны ваши интервью начиная с 1976 года. И в этих интервью — год от года — исчезает пафос: вы все меньше говорите о «магии искусства», о «служении театру». Вы перестали верить таким словам или разуверились и в понятиях?

Караченцов: Шукшин как-то сказал: «Тише — было бы громче». В меня эта фраза запала. Не надо все время орать-то. Шепотом можно сказать так, что будет больше, сильнее, значимее. Виктор Карлович Монюков выбивал из нас, студентов, ложную многозначительность, частое употребление высоких слов, которые от этого теряют смысл. → стр. 15

АКТЕР НИКОЛАЙ КАРАЧЕНЦОВ:

СТР. 1

«РЕБЯТА, УБЕРИТЕ ПАФОС»

Николай Караченцов: Кстати, Марк Захаров — тоже противник высокопарности и в этом смысле влияет на актеров. Наверное, со мной происходит тот процесс, о котором вы говорите: даже когда мне предлагают новые песни, я смотрю тексты и прошу: «Ребята, уберите пафос».

Известия: Вы нередко говорите, что хотели бы у всех учиться — у своих партнеров, у друзей, даже у младших товарищей по сцене. Не могли бы вспомнить конкретные случаи такого «обучения»?

Караченцов: Помню, я вдруг заспорил с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским прямо на съемочной площадке. Мы были совсем разного калибра: я — папан, он — великий. Но я считал, что я тоже что-то понимаю. Мы долго спорили причем на равных. Потом объявили перерыв, и мы пошли в этой же студии в столовую. Подсаживается ко мне Иннокентий Михайлович и говорит совсем другим тоном, так тихо: «Коля, запомните, пожалуйста: далеко не всегда значит, что ваше мнение есть истина. Сомневайтесь больше». Впервые, мне стало стыдно, во-вторых, я понял, что он прав. И сегодня, когда я слышу, как Марк Захаров говорит: «То, что я

говорю — не истина в конечной инстанции, просто я так считаю», — это мне кажется очень верным. И я все чаще начи-

» **Тарпищев говорит недавно: «Коля, сколько тебе? Шестьдесят? То есть 6:0? Только первый сет»**

наю спохватываться, когда убежденно доказываю, что я прав, и прав абсолютно. Тем более в нашем деле, которое вкусное, где кому-то спектакль может безумно нравиться, а другой будет засыпать или уходить из зала. Помню, как я снимался с Михаилом Александровичем Ульяновым. Снимаем эпизод за эпизодом, все вроде хорошо. И вдруг Ульянов говорит: «Стоп, это плохо». И я понял, что он это себе сказал. Он остановил всю съемку, попросил снять еще раз — почувствовал, что был не очень готов. Блестяше! Ведь, по идее, что бы он ни сделал, все уже должны были быть рады — это же сам

Ульянов! Но он себе такого не позволит никогда в жизни. Он до сих пор предельно критически относится к каждому своему шагу в искусстве. Таких уроков очень много, и порой их дают даже молодые актеры. Сейчас я снимаюсь с молодой актрисой Мариной Александровой. Любовная сцена. Мы там в простынях сидим, что-то происходит. Марина против, и я понимаю, что она стесняется. И говорит, что это придумано не совсем точно. И вдруг я понимаю: «Господи, да она права!» И режиссер подходит и говорит: «Коля, а может, и правда снять по-другому?» Мы кардинально меняем сцену, и получается действительно лучше. И мне совсем не стыдно в этом признаться.

Известия: Вы были среди тех молодых людей, которые в период оттепели посещали поэтические вечера в Политехническом музее, ходили к памятнику Маяковского?

Караченцов: Да, такое бывало. А Евтушенко я слушал и в бывшем Доме актера. Кстати, он очень классно читает свои стихи — эмоционально, точно.

«КОРЕШ, ПРИШЛИ ШМОТОК»

Известия: Вы остаетесь верны одному театальному дому — «Ленкому» и одному режиссеру — Марку Захарову. А как вы для себя отвечаете на вопрос, насколько этот режиссер верен вам? Ведь у вас были периоды, когда новых ролей вы ждали годами.

Караченцов: Художественный руководитель театра — это не просто тот, кто ставит спектакли, это еще для актеров и папка и мамка, и нос утирает, и плеткой бьет... И он должен думать обо всех своих детях. Я не могу не понимать, что в труппе 100 человек, и, конечно, Захаров не может в каждом спектакле давать мне новую роль. Ведь любой художник, как все простые смертные, — человек увлекающийся. И вот его заинтересовывает какая-то индивидуальность, и он (исходя из нее в том числе) делает спектакль. Он поставил спектакль, где я исполнил главную роль — Тиля Уленшигеля. А следующим спектаклем был «Иванов», решенный совсем в ином ключе — просто как будто другой режиссер ставил! И даже роль Иванова он дал Евгению Леонову, которого многие считали только комиком. А ведь ничего подобного! Марк Захаров, ставя «Иванова», руководствовался письмом Чехова, который писал Станиславскому: «Ну почему вы дали роль Иванова, моего любимого Иванова, красавчику Х? Дайте эту роль человеку, который бы сыграл не боль красавца-одиночки, а боль всего общества». Евгений Павлович Леонов это и сыграл... Так что, режиссер, у которого каждый раз иные стилистические задачи, не может использовать всякий раз одного и того же актера.

Известия: Когда-то была такая традиция — писать любимым актерам письма, и вы из ленкомовских актеров получали больше всех посланий от поклонников...

Караченцов: И сейчас получаю. Вот только сегодня пришли. (Показывает несколько писем.)

Известия: Я знаю, вам однажды пришло письмо из тюрьмы, от одного заключенного: «Кореш, пришли шмоток». И был указан обратный адрес. Прислали?

Караченцов: Однажды мне позвонил человек, который, почти рыдая, сказал, что у него несчастье, что он инвалид, у него шестеро детей, и жена — тоже инвалид. Живут в каком-то вагончике, очень бедно. И он просит меня одолжить 300 рублей. Отдаст обязательно, но по частям, потому что деньги ему достаются с огромным трудом. Ведь 300 рублей в то время — это очень приличные деньги. Я, естественно, спрашиваю: «А почему вы именно ко мне обратились?». «Вы знаете, моя жена посмотрела фильм с вашим участием, и она уверена, что у вас добрая душа, что вы не сможете отказать». Я говорю: «Сто пятьдесят». Он согласился. Я поехал отдавать эти деньги, поскольку такой суммы у меня тогда при себе не было. Рассказал об этом человеку Леонову, а он говорит: «Аферист!» Так и оказалось. И таких случаев с артистами — масса. Когда-то Лия Ахеджакова тоже кому-то помогала. А оказалось, что никакой беды с теми, кому она помогала, не случилось. Поэтому я, конечно, помогаю, но только в тех случаях, когда знаю, что в моей помощи действительно

нуждаются и когда меня что-то очень сильно цепляет.

Известия: Дублирование Жан-Поля Бельмондо — увлекательное было занятие? Не замечали в своей игре каких-то легких изменений после того, как вам в той или иной степени приходилось вживаться в другую актерскую природу?

» **Помню, я вдруг заспорил с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским прямо на съемочной площадке. Мы были совсем разного калибра: я — папан, он — великий**

Караченцов: Дубляж интересен тем, что надо, во-первых, сыграть роль, почти всегда интересную, во-вторых, сыграть не так, как я бы ее сыграл, а с учетом того, как это сделал другой актер. Потом, Бельмондо — француз, а французская речь в три раза быстрее русской. Значит, я должен попадать во все его смыкания, в его артикуляцию, не теряя правды, свободы, органики... Задача интереснейшая. А, например, фильм «Чудовище», где он играет сразу две роли, — ну, это вообще подарок судьбы.

«ПРЕПОДАВАТЬ Я ПОБАИВАЮСЬ»

Известия: В последние годы своей работы Владимир Немирович-Данченко стал воспитывать тип артиста, который называется не очень благозвучно — «синтетический актер». Так, учитывая вашу музыкальность и пластичность, вас нередко называли. Почему бы вам, выпускнику Школы-студии, не продолжить традицию, не набрать курс, вам ведь поступали такие предложения?

Караченцов: Побойваюсь. Мне кажется, что если этим делом заниматься, то надо бросить все остальное вообще. Или же максимально себя отдавать этим папаненкам и девчонкам. А если я буду, при своей занятости, прибегать туда раз в месяц, показывать популярное лицо, рассказывать пару баек и смываться — этого мало. Если я стану забегать к ним на минуточку, то я буду предавать и этих ребят, и себя самого, и свою профессию.

У нас курс был двадцать человек. И на эти двадцать человек только по актерскому мастерству был девять педагогов! У нас были педагогами Виктор Яковлевич Станицын и Василий Осипович Топорков, потому что по традиции на каждом курсе должен быть кто-то из тех — мхатовских — стариков, учеников Станиславского. Станицын репетировал с нами отрывок из «Леса». Ира Лаврентьева играла Улиту, Миша Рогов — Карпа, Аркашка Несчастливцева — Коля Караченцов. Процесс репетиций был невероятно интересным. И перед самым экзаменом шли прогоны, после которых педагоги нам устраивали разбор. Станицын делал нам замечания, а перед экзаменом сказал: «А завтра я не приду». «Как???» — «Инфаркта не хочешь». — «Почему?» — «Помочь я вам не смогу уже и буду видеть, что вы не то делаете. Я вам все замечания сделал, теперь работайте, как можете». И ушел. Экзамен. Мы работаем. И вдруг я увидел его в кулисах, когда играл свою сцену: на четвереньках, с багровым, потным лицом стоит народный артист Советского Союза, лауреат Ленинской и Сталинской премий Виктор Станицын и вместе со мной играет мою роль. Вот это — Школа-студия МХАТ. Поэтому если учить — то только так. А к этому, видимо, я еще не очень готов.

Известия: Как вы сейчас смотрите на октябрьский вечер 1993 года, когда праздновали юбилей Марка Захарова, где происходило почти братание театра с властью — Ельциным, президентской администрацией...
Караченцов: Я бы не назвал это братанием. Был 1993 год. Не прошла еще эйфория от встречи с демократией, со свободой. И та власть олицетворяла полученную нами свободу. Потом потихонечку наступили осмысление, разочарование, обида, боль и так далее. А тогда это было именно так. Вот, например, позвонит мне какой-нибудь самый известный политик и скажет: «Ни-

колай Петрович, я вас очень люблю и хотел бы присутствовать на вашем юбилейном вечере». Что, я скажу: «Да пошел ты вон, я тебя не принимаю как политика?» Грубо, некрасиво, нехорошо... А сейчас у меня такое количество желающих прийти на юбилейный вечер и приглашенных, что я уже понимаю, что кого-то обижу. У нас в театре 270 мест. А если приходит высокий представитель сегодняшней власти — лобой — это несколько рядов охраны. Но распределением мест и приглашений занимается театр.

«КОГДА РАССТАЮСЬ С МАШИНОЙ, БЛАГОДАРИ ЕЕ ЗА ПРОЙДЕННЫЙ СОВМЕСТНЫЙ ПУТЬ»

Известия: Как прошел ваш теннисный турнир с Борисом Ельциным? И как получилось, что вы сыграли с президентом страны?

Караченцов: У нас есть турнир «Большая шляпа», в котором принимают участие знаменитые «чайники». И главный приз в одном из турниров — игра с президентом. Мы с Борисом Ноткиным этот турнир выиграли. На следующий день мне перезвонили, спросили, удобно ли будет мне в воскресенье утром сыграть с Ельциным. «А если вдруг неудобно, то мы перенесем». В то утро я был свободен — и поехал.

Борис Николаевич — человек стеснительный, когда его видят в ситуации, в которой он не лучше всех. Поэтому болели только его семья и охрана. Были еще и фотокорреспонденты. Ведь Борис Николаевич впервые в жизни взял ракетку, когда был старше шестидесяти лет. Тем не менее пару его подач ловишь, а вдруг так подаст — хрен возьмешь. Я в паре с Борей Ноткиным играл, а он — с Шамилем Тарпищевым. Ну и что нам делать?

Известия: Проигрывать.

Караченцов: Проиграли! 6:3, 6:4. Не всухую. Боролись. Кстати, Тарпищев говорит недавно: «Коля, сколько тебе? Шестьдесят? То есть — 6:0? Только первый сет».

Известия: Сын ваш, судя по всему, тоже увлекается спортом: я видел фотографию, где он вас держит на руках.

Караченцов: Да, он здоровый. (Смеется.) Он занимался теннисом, но однажды сказал: или я должен заниматься только теннисом, или же бросить его, закончить школу и поступить в институт. Я сказал ему: делай как знаешь. Он ведь занимался у Ларисы Преображенской, которую я очень люблю. Но теннис он бросил.

У нас есть еще турнир «Марго Гаррос», когда в теннис играют представители разных театров Москвы. И, поскольку в играх могут участвовать не только актеры, но и члены их семей, мы играли с сыном в паре. В прошлом году мы были на втором месте, в позапрошлом — на первом. Это все он. Я просто бегал рядом, а он ложился как «тигра». (Смеется.)

» **Шукшин как-то сказал: «Тише — было бы громче». В меня эта фраза запала. Не надо все время орать-то. Шепотом можно сказать так, что будет больнее, сильнее, значимее**

Известия: Машина для вас — это средство передвижения или друг?

Караченцов: Я им имена даю. А когда расстаюсь, благодарю за пройденный совместный путь, за помощь, за то, что они меня выручали.

Известия: Имена даете мужские или женские?

Караченцов: Это все непросто. «Жигули» модель 13-я или 5-я, но французской комплектации — Катрин Денев! Будет Катя! А сейчас у меня «Пассат» — ну, называю его Пасик. За рулем я отдыхаю. Часто бывает ночная съемка, после которой я возвращаюсь домой. А Москва предрасветная красивая, особенно весной или летом. И я придумываю себе какую-нибудь дальнюю заправку, еду туда через всю Москву. И, несмотря на замкнутое пространство, — полное ощущение свободы.